

УДК 821.161.1 (Русская литература)

**ТЕЛЕГИН, РОЩИН И СТРУКОВ.
ФАМИЛИИ ГЕРОЕВ КАК ЭЛЕМЕНТ «САМАРСКОГО КОДА»
В ТРИЛОГИИ А.Н. ТОЛСТОГО «ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ»**

© 2021 М.А. Перепёлкин

Перепелкин Михаил Анатольевич, доктор филологических наук, профессор

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Самарский национальный исследовательский университет

имени академика С.П. Королева

Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 16.05.2021

В статье рассматриваются фамилии трёх героев трилогии А. Н. Толстого. Привлекая документы и воспоминания писателя и его современников, автор статьи выдвигает предположение о том, что фамилии героев трилогии являются одним из элементов разветвлённого «самарского кода» в трилогии «Хождение по мукам».

Ключевые слова: А.Н. Толстой, «Хождение по мукам», фамилии героев, Телегин, Рошин, Струков, Самара, самарский код.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-114-118

Введение. Читателю толстовской трилогии «Хождения по мукам», хорошо знакомому с самарской географией, совершенно очевидно, что сфера «самарского текста» в трилогии, гораздо шире, чем сфера одних только городских локаций, и что близкая и хорошо знакомая Толстому самарская география проникла, например, в такую область, как фамилии героев. Покажем это на примере нескольких персонажей – главных и второстепенных.

Методы исследования: В этом нам помогут метод контекстного анализа, а также структурно-семиотический и герменевтический методы анализа и интерпретации художественных текстов.

История вопроса. Отметим, что исследователи толстовской трилогии и ранее обращали внимание на имена и фамилии её главных и второстепенных героев, пытаясь рассмотреть в них один из ключей к художественному коду «Хождения по мукам», однако самарские контексты этого произведения самарца А.Н. Толстого ещё никогда и никем не были не только проанализированы, но даже и намечены.

Результаты исследования. Нет смысла говорить о том, как важна для трилогии фигура Ивана Ильича Телегина. Но откуда взялась его несколько неожиданная фамилия?

Откроем «Самарскую газету» за четверг, 14 марта 1902 года и в рубрике «Происшествия»

прочтем такую заметку под названием «Бежавшие арестанты»: «8 марта из квартиры пристава 1-го стана в г. Самаре были отправлены в уездную полицию трое цыган в сопровождении рассыльного и одного десятского, от которых они бежали и до сих пор нигде не найдены. Цыгане и их провожатые заходили по дороге в казёнку, после чего десятский от них по какому-то случаю отстал, а затем компания зашла в гостиницу Телегина, где цыгане взяли бутылку водки. Во время распития двое цыган незаметно ушли, а когда рассыльный с оставшимся цыганом пошли их разыскивать на толчке, то последний, дав несколько тумачков рассыльному и вырвав у него разносную с пакетом, тоже скрылся» [7, с. 4].

Появление гостиницы Телегина в самарской хронике было, скорее всего, не первым и точно – не последним. В марте 1911 года «Самарская газета для всех» сообщила о том, что «содержатель гостиницы Телегин ходатайствовал перед железной дорогой о разрешении ему высылать на станцию комиссионера для встречи и приглашения пассажиров в гостиницу, но ходатайство это особым комитетом при Самаро-Златоустовской железной дороге отклонено» [9, с. 4]. Но, несмотря на эту неприятность, гостиничный бизнес Телегина, как можно понять из тех же газет, процветал, и уже полтора года спустя «Голос Самары» писал о том, что «гостиницы Телегина и Перова, эти так называемые самарские “парламен-

ты”, день ото дня приобретают особенно оживлённый вид» [5, с. 4].

Революция и другие, связанные с ней, события далеко не сразу поколебали процветающий бизнес Телегина, хоть и внесли в него свою долю беспокойства. В конце июня 1918 года на страницах «Вечерней зари» появилось следующее сообщение под заголовком «Обыски и аресты»: «За сутки 25 и 26 июня были произведены обыски в номерах Телегина в доме № 121 по Предтеченской улице и в доме № 125 по Саратовской улице в квартире 11» [1, с. 3].

И совсем беспокойной была для постояльцев Телегина ночь с 18-го на 19-е июля того же, 1918 года, о чём рассказало своим читателям «Волжское слово»: «В контрразведку поступило донесение, что в номерах Телегина (подозрительных ещё во времена большевиков) хранится оружие и что в подвале находится пулемёт, оружие и награбленное имущество. Было сообщено, что в номерах живут подозрительные лица, приехавшие из мест, занятых большевиками, со шпионскими целями» [3, с. 2].

Из приведённых публикаций видно, что гостиница или гостиницы Телегина существовали в Самаре, по крайней мере, в течение шестнадцати лет – с 1902-го по 1918-й. Судя по всему, этих гостиниц, в самом деле, было несколько: на Троицком базаре, на Предтеченской и Саратовской улицах, на Набережной Волги, а возможно – и где-то ещё, то есть имя владельца гостиниц и номеров Телегина было в Самаре на слуху. Обратим внимание: один из адресов, по которому располагались номера Телегина – Саратовская, 125, находился совсем недалеко от дома, где в 1900-1901 гг. жил с родителями юный А.Н. Толстой и где в июне 1918 года ещё жил его отчим – А. А. Бостром (адрес его дома в 1918 году – Саратовская, 165).

Что из всего этого следует? Почти безусловно следует только одно: что, давая своему герою фамилию «Телегин», А.Н. Толстой не мог не вспомнить и не соотнести с этой фамилией и носящим её героем хорошо знакомую ему самарскую реалию. Было ли это соотнесение оправдано, и если да, то каким именно образом? А. Н. Толстой об этом умолчал, но и его молчание в этом случае – очень даже говорящее.

Умолчал А.Н. Толстой и о том, почему другой герой трилогии носит фамилию Рошин. А.Н. Толстой – умолчал, а Е.Д. Толстая – заметила, подчеркнув, что эту фамилию носит не только герой «Хождения по мукам», но и героиня повести матери писателя, А.Л. Толстой, «Моё детство. Рассказы бабушки», опубликованной в «За-

душевном слове» во второй половине 1906 года. Героиню повести А.Л. Толстой зовут Катя Рошина, а поместье, в котором происходит действие, называется Рошино. «Может быть, – пишет исследовательница, – потому что мать боготворила актрису Рошину-Инсарову?» [11, с. 283].

Боготворила ли кого-либо А.Л. Толстая, нам не известно, но некоторые факты об обстоятельствах возникновения с её стороны интереса к актрисе Е.Н. Рошиной-Инсаровой и её игре нам установить удалось, и эти факты таковы.

В радиопрограмме, записанной в середине 1960-х гг. и вышедшей в эфир «Радио Свобода» 26 ноября 2007 года, Е.Н. Рошина-Инсарова рассказала следующее: «Это было в 1901 или 1902 году. Точно не помню. В Пензе это было. Я играла “Измаил”, я играла “Новый мир” – это всё старые пьесы, которые шли <...> Вот это мои первые успехи. А затем я получила письмо от антрепренера Крылова, уже шел разговор обо мне, что вот талантливая, молодая, мне было 17-18 лет, что он предлагает мне служить в Ростове. Я поехала в Ростов, провела сезон в Ростове. Следующий сезон служила у него в Новочеркасске. И потом летний сезон в Озерках, когда в Петербурге узнали обо мне журналисты, Тэффи статью, если вы читали, заволновались, начали писать, что появилась молодая, талантливая актриса. Затем я уехала на зиму в Самару, и в Самаре уже получила приглашение от театра Литературно-художественного общества <...> в Петербург».

Что следует из этого интервью? В принципе, следствий может быть несколько. Например, если пензенские успехи актрисы относятся к лету 1901 года, значит переезд в Ростов состоялся осенью того же 1901 года, где Инсарова могла отыграть до весны 1902-го. В таком случае следующий, новочеркасский сезон, – это осень 1902-го – весна 1903-го, а «летний сезон» в Озерках – вероятно, весна – осень 1903 года? Если же «первые успехи» на пензенской сцене, в самом деле, относятся не к 1901, а к 1902 году, то вся математика смещается на один год дальше, и переезд в Самару состоялся осенью 1904-го? В таком случае как понимать, что в Самару, по её словам, Е.Н. Рошина-Инсарова «уехала на зиму» (то есть – «на зиму» 1904-1905 гг.), а переезд в Петербург состоялся в 1906-м? Что-то здесь, увы, не сходится.

Между тем, в семейной переписке родителей А.Н. Толстого нами были обнаружены два упоминания о некой актрисе театра Инсаровой, которые датируются осенью 1904 года. Оба письма написаны отчимом будущего писателя

А. А. Бостромом к А. Л. Толстой, из Самары – в Петербург.

Первое письмо – от 19 сентября 1904 года: «Труппа Кручинина обещает быть хорошей. Одна прима – Инсарова – серьёзная актриса. Надолго останется впечатление. Сколько раз я видал “Джентльмена”, даже внимания не обращал на жену джентльмена Кати. Что сделала из нее Инсарова! Глубоко-драматичную роль. Что-то будет? Говорят, она уже немодна. Ну, да, видно, такие-то понадежнее. Джентльмен был много хуже Галицкого, шаржировал. Но, в общем, очень сошло недурно» [6].

Второе письмо мы уже цитировали в параграфе о чеховских спектаклях на самарской сцене, оно датировано 20-м октября того же года, и речь в нём идёт о постановке чеховского «Вишнёвого сада»: «Давали “Вишнёвый сад”. Помоему, смотрел с удовольствием. Хорошо было смотреть на Мар<ию> Мих<айловну>. Она первый раз в нынешнем году в театре, да ещё при её экстенсивности вообще, она отдавалась пьесе вся, она и слёзы лила, и восторгалась. Очень ей Инсарова понравилась, и новая манера, чеховская, – пьесы. С моей точки зрения, Инсарова не соответствовала этой роли, но всё же играла прекрасно, – хорош был её брат Рассудов, но другие плохи» [10].

Обнаружив эти упоминания о некоей Инсаровой, играющей осенью 1904 года на самарской сцене, мы некоторое время находились в сомнениях, а о той ли Инсаровой идёт речь в этих письмах А. А. Бострома? Смущали несколько обстоятельств: например, в первом из писем Бостром говорит о том, что, по словам самарских театралов, «она уже немодна». Два-три года спустя после «первых» успехов – и «уже немодна», когда настоящая слава артистки была ещё впереди? Во втором письме идёт речь о некоем «брате» Инсаровой, о котором Е. Н. Рощина-Инсарова в своём интервью также не упоминает. Ошибся ли, думали мы, говоря о «брате» артистки Бостром, или речь в его письме идёт всё-таки о какой-то другой Инсаровой?

Наши сомнения развеял фотоснимок, до недавнего времени хранившийся у потомков А. А. Смирнова (Треплева), в семье его дочери Е. А. Смирновой (Красиной), а в феврале 2020 года переданный нам внуком последней, М. С. Крицким, в дар Самарскому литературному музею. Дарственная надпись на фотоснимке, подаренном артисткой А. А. Смирнову (Трепле-

ву), гласит: «Самарскому оазису А. А. Смирнову. Е. Рощина. 26.02.1905 г.».

Таким образом, получается, что Е. Н. Рощина-Инсарова, в самом деле, приехала в Самару осенью 1904 года и уехала из неё не в 1906-м, а в 1905-м году, и А. А. Бостром в письмах к А. Л. Толстой говорил именно о ней и не о ком другом. Другие подтверждения этого нам удалось найти в архиве того же А. А. Смирнова и в самарских изданиях этого периода. Так, переписывая в подготовительные материалы для истории самарского театра афиши, опубликованные в самарских газетах, Смирнов пишет: «1904 год, антреприза Кручинина. Состав труппы: <...> артистка императорского театра Рощина-Инсарова Екатерина <...> Спектакль “Джентельмен”: Маргарита – Рощина <...> В роли Кэт – Рощина, “хорошо”, но не было “тонкой отделки”...». В ноябре 1904 года в «Самарской газете», в рубрике «Театр и музыка», была опубликована заметка «Бенефис Е. Рощиной-Инсаровой»: «2 ноября в бенефис Е. Рощиной-Инсаровой была поставлена комедия Джерома К. Джерома “Мисс Гобс”. Артистка получила много подношений. Театр был почти полон» [8, с. 3].

Итак, «боготворение» артистки Е. Н. Рощиной-Инсаровой матерью А. Н. Толстого, в самом деле, могло иметь место. Так или иначе героиню своей повести «Моё детство. Рассказы бабушки» А. Л. Толстая, в самом деле, назвала Катей Рощиной. Имела ли она при этом в виду Рощину-Инсарову или нет – на этот вопрос ответа нет. Тем не менее, мы можем констатировать следующее: давая фамилию ещё одному герою трилогии, А. Н. Толстой тем самым актуализировал, прежде всего – в своём сознании, а вместе с тем – и в сознании тех читателей трилогии, которые помнили повесть его матери и русскую театральную сцену дореволюционных лет, ещё один пласт, прочно соотносившийся им с Самарой, самарской культурой и с родителями, которое имели к ней самое непосредственное отношение. Таким образом, совершенно иное звучание приобретает известное читателю толстовской трилогии её сюжетное развёртывание, связанное с расставанием Кати Смоковниковой с нелюбимым мужем и последующей её встречей с Рощиным: последняя оказывается как бы возвращением «блудной дочери» к ранее отвергнутым, а теперь – желанным и искомым ценностям отчего (и в первую очередь – материнского) дома.

Теперь скажем несколько слов ещё об одной фамилии, фигурирующей на страницах трило-

гии. На этот раз это фамилия второстепенного персонажа, появляющегося в романе лишь однажды и поэтому, казалось бы, вполне способного обойтись и без фамилии. Однако фамилия у него не просто имеется, но и четырежды повторяется на достаточно небольшом пространстве текста, занимающего всего каких-нибудь две страницы. Откуда к ней столько внимания? Пожалуй, ответа на этот вопрос нет ни у кого, кроме самарцев. Что же касается последних, то им-то здесь всё ясно, потому что фамилия этого героя – Струков.

«В одно из воскресений инженер Струков заехал за Иваном Ильичом и повёз его в “Красные бубенцы” <...> Струков, захмелевший от крюшона, говорил Ивану Ильичу: “Я почему люблю этот кабак? Такой гнили нигде не найдёшь – наслаждение!.. Посмотри – вон в углу сидит одна – худа, страшна, шевелиться даже не может: истерия в последнем градусе, – пользуется необыкновенным успехом”. Струков хохотнул, хлебнул крюшона и, не вытирая мягких, оттенённых татарскими усиками губ, продолжал называть Ивану Ильичу имена гостей, указывать пальцем на непрспаные, болезненные, полусумасшедшие лица» [12, с. 220-222].

Итак, что связано с героем по фамилии Струков в романе А.Н. Толстого? «Инженер», который везёт Телегина в кабак с «гнилью», крюшон, разврат и – неожиданное явление Распутина. Случайно ли всё это? Спросим об этом самарца, и самарец ответит: разумеется, нет, не случайно. И – объяснит почему.

Струковский сад, или Струкачи, – название старейшего, а долгое время – единственного в городе, общественного сада, являвшегося любимым местом всех без исключения горожан и центром общественной же жизни города в течение столетия – с первых десятилетий XIX века до первых десятилетий XX и даже дольше. В разное время Струковский сад становился местом действия или даже – героем воспоминаний, фельетонов, статей, поэтических и прозаических произведений самарцев и тех, кто оказывался в Самаре проездом. Среди писавших об этом саде – брат драматурга Михаил Островский, Аполлон Григорьев, С. Гусев (Слово-Глаголь), Е.Н. Чириков, Павел Нилин и ещё многие-многие другие. В Струковском саду происходит действие нескольких увидевших свет в 1895-96 гг. на страницах «Самарской газеты» фельетонов Иегудиила Хламида, как подписывался живший и работавший в это время её фельетонистом Алексей Пешков (М. Горький).

Не прошёл мимо Струковского сада и А.Н. Толстой, оставивший о нём такие воспоминания, связанные с М. Горьким, а точнее – с его соратником, самарцем С.Г. Скитальцем (Петровым). Воспоминания Толстого о театре в Струковском саду – не простая случайность. Известно, что в юношеские годы, будучи учеником Самарского реального училища, Толстой увлекался театром и играл на любительской сцене, в том числе – и на сцене того самого летнего театра, находившегося в Струковском саду.

А воспоминания Е.П. Пешковой о Струковском саде относятся к несколько более раннему времени, и герой этих воспоминаний – ещё совсем юный Алексей Толстой: «Начало моих воспоминаний об Алексее Николаевиче Толстом относится к очень отдалённым временам, вероятно к осени 1890 года. Я тогда училась в Самарской гимназии. С компанией подруг мы любили убежать после уроков погулять в Струковский сад <...> В один из таких дней, пройдя по главной аллее сада, мы присели на лавочку, которая окружала могучее развесистое дерево. Хорошо было сидеть и наблюдать за гуляющими. Около нас села мать с прехорошеньким мальчиком, не похожим на других детей. Мальчик был одет в тёмный бархатный костюм, курточку с большим кружевным воротником и короткие штанишки. На ногах – носочки и туфли с бантами. Мальчик нам понравился, и мы окрестили его “маленький лорд Фаунтлерой”. Он производил впечатление вялого ребёнка, с несколько сонным выражением лица, со светлыми локонами на голове. Мы пытались с ним заговорить, он дичился и жался к матери. Его мать – пышная блондинка – показалась нам дамой строгой и важной. Она объяснила нам, что мальчик растёт один и стесняется. Предложили ему поиграть в прятки. Он отнёсся к делу серьёзно и чуть не плакал, когда его находили» [4, с. 22-23].

Что из этого следует? Следует одно: называя своего героя Струковым, автор «Хождения по мукам», разумеется, ни на мгновение не забыл о том, чем для него был и с чем когда-то ассоциировался Струковский сад – место отдыха, развлечений, в том числе – и двусмысленных, пиршеств и прочих забав. Напоминанием обо всем этом, но напоминанием – понятным только «посвящённым», находящимся внутри самарского контекста, и был инженер Струков, который отвёз Телегина в «Красные бубенцы», где лился рекой крюшон и куда среди прочих посетителей заглянул Распутин.

Выводы. Можно ли сделать из всего этого какие-то выводы? С нашей точки зрения, да. Без-

условно, видеть в каждой фамилии героев «Хож-дения по мукам» какие-либо самарские следы и аллюзии было бы неправомерной натяжкой. Но и игнорировать эти аллюзии, на наш взгляд, более, чем несправедливо. Осознанно или неосо-

знанно А.Н. Толстой выстраивал и выстроил на страницах трилогии целую систему «самарских кодов», одним из элементов которой стали и фамилии героев трилогии.

1. Вечерняя заря. – 1918. – 27 июня. – № 81.
2. Волжское слово. – 1915. – 11 (21 августа) августа. – № 2328.
3. Волжское слово. – 1918. – 20 июля. – № 143.
4. Воспоминания об А. Н. Толстом. – М.: Советский писатель, 1973.
5. Голос Самары. – 1912. – 5 октября. – № 215.
6. ОР ИМЛИ. № 6331/1.
7. Самарская газета. – 1902. – 14 марта. – № 59.
8. Самарская газета. – 1904. – 4 ноября. – № 240.
9. Самарская газета для всех. – 1911. – 15 марта. – № 27.
10. СЛМ. КП-406.
11. Толстая, Е. Д. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. – М.: Новое литературное обозрение, 2013.
12. Толстой, А. Н. Собр. соч.: в 10 т. – Том 5. – М.: Художественная литература, 1983.

**TELEGIN, ROSCHIN AND STRUKOV.
SURNAMES OF HEROES AS AN ELEMENT OF THE "SAMARA CODE"
IN TRILOGY A.N. TOLSTOY "WALKING ON FLOURS"**

© 2021 M.A. Perepyolkin
Mikhail A. Perepelkin, Doctor of Philology, Professor
E-mail: mperepelkin@mail.ru
Samara University
Samara, Russia

The article deals with the surnames of the three heroes of the Tolstoy trilogy. Drawing on the documents and memoirs of the writer and his contemporaries, the author of the article suggests that the surnames of the heroes of the trilogy are one of the elements of the branched «Samara code» in the trilogy «The Road to Calvary».

Keywords: A. Tolstoy, «The Road to Calvary», surnames of heroes, Telegin, Roshchin, Strukov, Samara, Samara code.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-114-118

1. Vechernyayazarya (Evening dawn). – 1918. – 27 iyunya. – № 81.
2. Volzhskoyeslovo (The Volga word). – 1915. – 11 (21 avgusta) avgusta. – № 2328.
3. Volzhskoyeslovo (The Volga word). – 1918. – 20 iyulya. – № 143.
4. Vospominaniyaob A.N. Tolstom (Memories of A. N. Tolstoy). – М.: Sovetskiypisatel', 1973.
5. GlosSamary. – 1912. – 5 oktyabrya. – № 215.
6. OR IMLI. № 6331/1.
7. Samarskayagazeta (Samara newspaper). – 1902. – 14 marta. – № 59.
8. Samarskayagazeta (Samara newspaper). – 1904. – 4 noyabrya. – № 240.
9. Samarskayagazetadlyavsekh (Samara newspaper for everyone). – 1911. – 15 marta. – № 27.
10. SLM. KP-406.
11. Tolstaya, Ye. D. Klyuchischast'ya: Aleksey Tolstoy iliteraturnyyPeterburg (Keys of happiness: Alexey Tolstoy and literary Petersburg). – М.: Novoyeliteraturnoyeobozreniye, 2013.
12. Tolstoy, A. N. Sobraniyesochineniy: v 10 t (Collected Works: in 10 volumes). – Том 5. – М.: Khudozhestvennayaliteratura, 1983.